

Ростовская речь № 6 от 9 января 1918

Телеграммы

Сумасшедший дом

Под общим заголовком «Телеграммы» «Ростовская речь» размещает несколько аналитических материалов, связанных с открытием в Петербурге и последующим разгоном Учредительного собрания. События освещаются в основном с «кадетских позиций»

В материале «Сумасшедший дом» подробно рассказывается о версии спонсирования большевиков «европейским капиталом».

Итак, исполнилось реченное: нет ничего тайного, что не стало бы явным...

Нынешний народный комиссар по министерству пролетарского просвещения товарищ Луначарский и эсер Зензинов тайно вели переговоры с германским имперским банком о пропаганде и агитации среди рабочих крестьян и армий, действующих на фронте, и эта «тайна» зафиксирована на бумаге и превратилась в явь, ибо что написано пером, не вырубишь топором.

«Доводится до вашего сведения, – пишет циркуляр отдела печати при прусском отдела печати при прусском мин. ин. дел своим агентам в нейтральных странах – что здесь организованы специальные конторы для организации дела пропаганды в государствах воюющей с Германией коалиции. Пропаганда коснется социального движения и связанных с последним забастовок, революционным всплеском, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, а также агитация в пользу разоружения и прекращения кровавой бойни».

А дальше?

А дальше банкир. Свенсен в Копенгагене извещает банкира Руфера в Гельсингфорсе: «Настоящим уведомляю вас, что со счета Дисконто-гезельшафт списано на счет господина Ленина в Кронштадте 315 тысяч марок».

А еще дальше?

«По ордеру господина Ленина поручение исполнено и 207 тысяч марок и паспорта вручены «упомянутым в письме лицам», выбор коих «одобрен его превосходительством господином посланником».

Сотни тысяч марок и крон золотой рекой лились в руки Лениных, Троцких, Камковых-Кацов, Луначарских, Мартовых и т.д., и т.д. сотни тысяч брошюр «солдатских правд» и просто «Правд» издавалось на эти немецкие деньги руками русских предателей и изменников, возбуждавших во славу германских завоевателей русских солдат, рабочих и

крестьян восставать против русских «буржуев», помещиков, фабрикантов, интеллигенции, бросать оружие, требовать похабного мира, отдавать немцам русские города и крепости и истреблять не немцев, а своих родных братьев русских: казаков, украинцев, купцов, чиновников, учителей, офицеров...

И вот эти сорганизованные на немецкие деньги русские предатели и изменники своей родины, эти негодяи, для которых нет никакого смягчающего вину обстоятельства, приходили к русским темным простакам-рабочим, солдатам, железнодорожным служащим, безграмотным мужикам и бросали им в темные, глупые головы немецкие лозунги «социальной революции», «интернационала», а люди «себе на уме» и темные простаки устраивали забастовки, бросали работы, ломали вагоны, грабили имения, останавливали железные дороги, почту и телеграф, отказывались защищать отечество и с оружием в руках бросались на казаков, на украинцев, на промышленников, грабители банки, расхищали государственные ресурсы, уничтожали промышленность, превращали Россию в сплошной сумасшедший дом и в баранье стадо...

Вероятно, со времени вавилонского столпотворения мир не видел подобной картины повального безумия, невероятного торжества человеческой глупости, эгоизма, массового умопомешательства...

Да, германские синдикаты, посланники, банкиры, генералы составляли планы взрыва России изнутри, – Ульянова-Ленины, Бронштейны-Троцкие, Кацы-Камковы, Цедербаумы-Мартовы, Нахамкесы-Отекловы, Апфельбаумы-Зиновьевы – это немецкие планы взрыва России приводили в исполнение, а сама Россия – т.е. русские рабочие, русские крестьяне, русские солдаты сами себя уничтожали и продолжают уничтожать!

И во имя чего?

За чечевичную похлебку – временное увеличение заработной платы, временный захват земли, фабрик, бумажек, именуемых деньгами, чтобы через полгода или через год расплатиться за это если не жизнью, то таким рабством, таким экономическим разорением, такой нищетой, перед которой побледнеет не только самодержавное рабство, но и рабство крепостного права!..

Казалось бы, что проще такого соображения: если я разобью стекло в вагоне, надорву паровоз, то ни само стекло не вставится, ни паровоз сам себя не исправит, а нужно, чтобы это было сделано руками человеческими...

Но все бьют стекла, уничтожают народное имущество, национальное богатство, нисколько не думая о том, что окружают себя развалинами, которые задавят их же самих;

что разбитое стекло отомстит за себя морозным ветром, а подорванный паровоз не повезет ни самих дураков, его уничтоживших, ни хлеба для кормления этих дураков...

Затемнение ума так глубоко, что в него не только не приходит само собою это простое соображение, но даже не воздействует напоминание этой простой мысли со стороны...

Всякий, кто взывает к здравому разуму, к естественному человеческому чувству, – контрреволюционер, ему не верят, а всякого проходимца и германского шпиона, который толкует о том, что груши растут на вербе, – слушают, развесив уши.

В самом деле, на каких дураков надо рассчитывать, напр., чтобы издать декрет об отмене наследования вообще и по духовным завещаниям недвижимого и движимого имущества?

Казалось бы, не только фабричному рабочему, но и тому золотородцу, который чистит общественные ретирады, должно быть ясно, что этот декрет касается не только каменного дома и капитала какого-нибудь богача, но и жалкой хибарки окраинного обитателя и того мужика, у которого 2 десятины земли; больше того, заплатанные штаны, которые он носит – есть движимое имущество и, значит, и этих штанов. умирая, он не может завещать своему сыну... Они должны поступить государству. Хороша, нечего сказать, социальная революция, снимающая с народа штаны!

Но неслыханный в мире сумасшедший дом, именуемый российской революционной демократией, стоит разинув рот, глядит и рукоплещет тому, как шайка немецких шпионов, – именуемых большевиками и интернационалистами всех разборов, захватившая в свои руки верховную власть в русском государстве дарит этому слепому и темному народу, этой «революционной демократии» земли, которых ему нечем будет обрабатывать, фабрики, на которых он не может работать без знания, капитала и сырья, деньги, которые, как только окончится война, превратятся в простые бумажки, и ту же рядом обещает отобрать у его семьи последние сбережения, над которыми он трудился всю жизнь, чтобы умереть спокойно. терпя при жизни голод и холод, нужду и лишения... Это называется «социальной революцией»!

Когда же очнется этот слепой русский народ, эта «революционная демократия»?

Или действительно она только «навоз, удобрение для немецкой культуры» и достойна той участи, которая ее ожидает?!

КОНСТ. ПОНОМАРЕВ.